Т. В. Станюкович, К. В. Чистов

ЭТНОГРАФИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

Современная этнография пользуется широким кругом источников. Непосредственное наблюдение, которое всегда было одним из важнейших способов сбора этнографических материалов, интенсивно дополняется многими, условно говоря «неэкспедиционными» методами — изучением исторических документов, данных археологии, антропологии и лингвистики, социологическими опросами и, разумеется, изучением вещей, накопленных в музейных фондах.

Этнографические музеи всегда были важнейшей базой этнографических исследований и, одновременно, одним из наиболее активных средств пропаганды и популяризации этнографических знаний. Именно поэтому понимание целей и задач деятельности этнографических музеев менялось в ходе развития самой этнографии и развертывания ее научных и общественных функций.

Этнографические экспозиции, научно обоснованные и умело построенные, неизменно воспитывали и воспитывают у посетителей музеев уважение к традициям, таланту, производственному и художественному опыту трудового народа, накопленному в условиях многовекового социального угнетения, внушают мысль о том, что многое из созданного народом в прошлом не должно быть утрачено и забыто, оно может и должно послужить нашей современности, способно обогатить ее. Показывая культуру различных народов, они помогают осознать единство человечества и его истории, равноправность этнических вариантов культуры и, вместе с тем, их своеобразие и неповторимость, внушают уважение к каждому народу, вне зависимости от его расы, религии, уровня социального и экономического развития. Таким образом, музеи являются одним из мощных и действенных каналов пропаганды интернационализма, гуманизма, взаимопонимания между народами, уважения к их прошлому и настоящему.

Следует подчеркнуть, что в ходе социалистического преобразования нашего общества и создания материальной базы коммунизма роль этнографических музеев неизмеримо возросла. Традиционная бытовая культура неотвратимо уходит в прошлое. Все ускоряющийся процесс урбанизации ведет к интенсивным изменениям материальной среды обитания человека, как природной, так и культурной. Эти изменения должны быть изучены и отражены не только в этнографических и социологических исследованиях, но и в вещественных памятниках, характерных для быта народа в тот или иной период его исторического развития.

Перечисленные факторы определяют в конечном счете современную деятельность этнографических музеев и проблематику современного

этнографического музееведения — органической составной части советской этнографической науки.

В Советском Союзе функционирует значительное число музеев, имеющих этнографические фонды и экспозиции[1]. Среди них есть специальные этнографические музеи мирового, всесоюзного и республиканского характера и масштаба (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Государственный Музей этнографии народов СССР, Государственный этнографический музей Эстонской ССР, Историко-этнографический музей Литовской ССР, Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла и др.), архитектурно-этнографические заповедники, парки и музеи на открытом воздухе (Латвийский этнографический музей на открытом воздухе, Эстонский государственный парк-музей, Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Архангельский музей деревянного зодчества «Малые Корелы», Музей народной архитектуры и быта Украинской ССР, Музей под открытым небом в Тбилиси и др.). Кроме того, во многих центральных и республиканских музеях (Государственный исторический музей в Москве, Государственный Эрмитаж в Ленинграде, Государственный музей Грузии, Исторический музей Украинской ССР, Исторические музеи Латвийской, Армянской, Узбекской ССР и др.) имеются этнографические отделы, в краеведческих музеях областного и районного характера (Приморский краевой музей им. В. К. Арсеньева, Красноярский краевой музей, Курский, Смоленский, Полтавский областные краеведческие музеи, Шауляйский музей «Аушра», Государственный музей Татарской АССР, Бухарский историко-краеведческий музей и др.) — этнографические экспозиции, а в центральных, республиканских, областных и городских музеях искусствоведческого профиля (Музей народного искусства в Москве, Государственный Русский музей в Ленинграде, Коломыйский Государственный музей народного искусства гуцульщины и др.) — экспозиции по народному искусству.

Одни из названных выше музеев существуют уже много десятков лет, другие возникли сравнительно недавно или находятся еще в процессе формирования. Они созданы или создаются различными организациями — министерствами культуры, академиями наук, учреждениями по охране памятников. И теми, и другими, и третьими в совокупности накоплен не только огромный, бесценный для этнографической науки материал, но и большой теоретический и практический опыт, нуждающийся в систематическом обобщении и анализе. Между тем история этнографических музеев и музееведения только начала разрабатываться как в СССР[2], так и в социалистических странах Европы[3]. Число работ, посвященных этой проблематике, сравнительно невелико. Но и те работы, которые уже изданы, убедительно показали, что достижения предшествовавших нам поколений музейных работников, несомненно, нуждаются в критическом осмыслении и интенсивном использовании.

Современные этнографические музеи СССР тесно связаны с общим развитием советской этнографии. В их деятельности всегда отражались

[1] В справочнике «Этнографические коллекции в музеях СССР» (М., 1964, 118 с.) значится более 200 музеев, имеющих этнографические фонды и экспозиции. За последние 17 лет число их значительно увеличилось.

[2] См. разделы, связанные с историей этнографических музеев, в книге С. А. Токарева «История русской этнографии» (М., 1966); см. также «Очерки музейного дела в России», т. I—VII, М., 1957—1971; *Т. В. Станюкович.* Этнографическая наука и музеи. По материалам этнографических музеев Академии наук, Л., 1978, и др.

[3] *J. Bujak.* Muzealnictwo etnograficzne w Polsce (do roku 1939). Warszawa-Kraków, 1975; «Muzeum a současnost. Sbornik k 20-leti Středočeskeho muzea v Rostokach u Prahy», Rostoky u Prahy, 1977. Материалы по истории музеев на открытом воздухе, см.: *A. Pytlińska.* Przegląd wybranej literatury z zakresu muzealnictwa skanzenowskiego, Sanok, 1970; см. также статьи в музейных ежегодниках — «Гласник етнографског музеја у Београду», в публикациях музея в Саноке (ПНР), Мартине, Рожнове (Чехословакия) и др.

как ее достижения, так и ее пробелы. Вместе с тем музеи играют и заметную активную роль — они неизменно являются стимуляторами научных исследований, публикаторами этнографических материалов и популяризаторами достижений этнографической науки.

В настоящей статье не ставится задача обозреть все названные выше музеи, оценить достоинства и недостатки существующих в них экспозиций. В ней рассматриваются только некоторые проблемы формирования, хранения и описания музейных фондов, а также экспонирования историко-этнографических и современных материалов, представляющиеся нам особенно актуальными и имеющими наиболее общее значение. При этом мы пользуемся избранными примерами, также не претендующими в своей совокупности на какую бы то ни было полноту.

Общепризнано, что основную научную ценность музеев составляют их коллекционные фонды. Они — база как для научно-исследовательской, так и для научно-просветительной деятельности музеев. С каждым десятилетием научная значимость этнографических коллекционных фондов возрастает: ими пользуются ученые всего мира. На базе изучения собранных в течение двух с половиной столетий материалов и расшифровки семантики отдельных вещей, предметных комплексов, а также исследования целых областей культуры (например, материальной культуры, древнего искусства, письменности) в советскую эпоху создано большое число научных трудов, характеризующих различные аспекты этноисторических и культурных процессов, развивающихся в разных районах мира, и, что весьма важно, воссоздающих историю бесписьменных народов. Достаточно отметить, что девятнадцатитомная серия «Народы мира. Этнографические очерки» (М.— Л., 1954—1966), серия «Очерки общей этнографии» (М., 1957—1968), а также историко-этнографические атласы «Народы Сибири» (Л., 1961), «Русские» (М.— Л., т. 1, 1967; т. II, 1970) и подготовляемые региональные атласы Белоруссии, Украины, Молдавии, Прибалтики, Средней Азии, Кавказа созданы и создаются в значительной мере на основе изучения музейных коллекций.

Различные аспекты деятельности этнографических музеев тесно взаимосвязаны. Известно, что основа основ этнографической науки — полевые исследования — предваряющие и музейно-собирательскую работу, всегда теснейшим образом определяются магистральными направлениями науки, степенью актуальности и изученности отдельных проблем, составом коллекционных материалов, уже имеющихся в музейных фондах.

В сложнейшем деле планирования и организации сбора вещественных (коллекционных) материалов, их документации и систематизации, а также изучения и публикации, ведущая роль принадлежит специализированным музеям. В то же время большую работу ведут музеи республиканские и краеведческие, в том числе и получившие особенную популярность в последние годы — музеи-заповедники на открытом воздухе. Они различны по своему профилю: в одних случаях они имеют историко-революционный и, вместе с тем, этнографический, в других — историко-архитектурный или историко-искусствоведческий; в ряде музеев (причем за последнее время этот тип начинает преобладать) — историко-этнографический характер.

Собирательская работа, о которой мы говорили, находится в прямой зависимости от профиля работы музея. Специализированные музеи накопили богатый опыт коллекционирования предметов, характеризующих традиционную бытовую культуру народов. Некоторые из них собирают материалы по всем народам мира, большинство же ставит своей задачей дальнейшее пополнение фондов коллекциями, освещающими те или иные особенности культуры и быта народов СССР,

выявляющими историческую динамику культуры отдельных народов или даже локальных и территориальных групп с дореволюционного времени до наших дней.

Несмотря на всю значительность произошедших и происходящих перемен, возможность пополнения коллекций предметов, характерных для быта народов дореволюционной России, не потеряна. Люди старшего поколения еще могут помочь этнографам не только разыскать и приобрести для музея подобные предметы, они, как правило, способны дать и необходимые разъяснения, связанные с их бытовыми, а иногда и обрядовыми функциями (употребление и изготовление орудий труда, способы ношения одежды и ее социальное осмысление, употребление утвари, семантика украшений и т. п.).

Собирание коллекций и сопутствующие ему полевые исследования помогают выявить прогрессивные национальные традиции, а также пути сближения культур социалистических наций, изменение бытового уклада, главным образом, в сельской среде, как в дореволюционную эпоху, так и в наше время. Красноречивым подтверждением того, что собирание предметов традиционной культуры еще возможно, служит успешное развитие фондов некоторых центральных музеев, особенно Государственного Музея этнографии народов СССР[4], а также создание многочисленных новых краевых, областных и республиканских музеев, коллекционирующих этнографические материалы по народам СССР.

Характерно, что с наибольшим размахом и успехом собирательская работа в последние годы велась в столь различных учреждениях, как историко-революционный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина» (в поселке Шушенское Красноярского края), Архангельский музей деревянного зодчества (в пос. Малые Корелы) и Музеи народной архитектуры и быта Украинской ССР (близ Киева и Львова). Это объяснялось тем, что во всех названных музеях собирательская работа была предварительно методически обоснована и четко спланирована.

В противоположность этому в некоторых ранее созданных музеях (например, в Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижи» или в Костромском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике) сбор и экспонирование памятников носили в известной мере случайный характер. Создание многих заповедников диктовалось вполне оправданным желанием спасти и сохранить[5] максимальное число памятников, чему нельзя не сочувствовать. Однако размещение их было, к сожалению, иной раз произвольным. Основное внимание уделялось архитектурно-художественной ценности объектов и их индивидуальным стилистическим особенностям; бытовая и этническая типология при этом игнорировались. Это привело к тому, что как собранные в заповедниках постройки, так и тем более развернутые в них экспозиции, выглядят едва ли не набором случайных экспонатов. Например, в знаменитом и столь популярном ныне музее «Кижи» демонстрируются уникальные памятники деревянного зодчества, однако они не дают ясного представления о типах построек в разных районах Карелии, об отличиях карельской и русской народной архитектуры, карельского и русского крестьянского быта[6]. Это произошло потому, что в процессе создания музея не был достаточно четко определен его профиль: должен он быть только музеем традици-

[4] *Т. А. Крюкова, Е. Н. Студенецкая.* Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет Советской власти.— «Очерки музейного дела в России», т. VII. М., 1971; *Т. В. Станюкович.* Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1964.

[5] *А. В. Ополовников.* Музеи деревянного зодчества. М., 1968, с. 81—86.

[6] Недостаток этот нашел отражение и в тщательно подготовленном и весьма полезном каталоге «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижи“» (Петрозаводск, 1973, 100 с.+55 илл.), и в публикации «Народное искусство Карелии. Каталог выставки музея „Кижи“». Петрозаводск, 1979.

онной архитектуры, музеем народного искусства или музеем крестьянского быта или тем, другим и третьим одновременно. Соответственно этому экспозиционная и собирательская работа велась без четко продуманного перспективного плана.

Надо быть благодарным всем, кто в первые послевоенные годы спасал от разрушения церкви Кижского погоста — шедевры мировой архитектуры. Заслуживает также несомненного одобрения идея свезти на Кижский остров шедевры жилой архитектуры Заонежья: на своих старых местах они легко могли бы погибнуть. Однако старый «погост» в северорусском значении этого слова (т. е. центр административной единицы, который состоял здесь всегда только из церкви и кладбища) в процессе развертывания заповедника потерял свое лицо — он окружен теперь целой «деревней», чего никогда не было. Правильнее было бы сгруппировать перевезенные постройки в некотором отдалении от Кижей, чтобы не нарушить цельности столь замечательного архитектурного ансамбля.

Создание архитектурного заповедника оттеснило на задний план историко-этнографические задачи, которые легко было совместить с историко-культурными. Так, например, достаточно было просто своевременно зафиксировать этническую принадлежность перевозимых построек и приобрести также вещи, характеризующие их интерьер. Недостаток внимания к этой стороне памятников привел к тому, что собранный в заповеднике материал частично обесценен. Сказалось это и на уровне экспозиции: созданные ныне интерьеры жилых построек носят порой случайный характер [7]. В результате отсутствия должного этнографического надзора архитектурный заповедник мирового класса не стал одновременно научно обоснованным этнографическим музеем, чем он мог бы стать. Впрочем, положение еще может быть исправлено, об этом свидетельствует работа сотрудников музея в последние годы.

Совершенно иная картина наблюдается в большинстве сравнительно недавно созданных музеев-заповедников. Тщательно обдуманные тематико-экспозиционные планы, разработанные архитекторами совместно с этнографами, историками и искусствоведами, позволили избежать односторонности в сборе и дилетантства в подаче материалов. Прежде всего следует отметить, что коллекции этих музеев подбирались комплексами, по этническому и локальному принципу, или, если так можно выразиться, «блоками»: блоки «усадеб», из которых формируются «улицы», блоки жилых и хозяйственных помещений, из которых составлялись усадьбы. Соответственно формировались интерьеры хозяйственных, жилых и общественных построек.

Опыт показывает, что научно обоснованное экспонирование этнографического материала вполне может сочетаться с другими задачами — искусствоведческими, историческими, историко-революционными, краеведческими и т. д. Так, в музее-заповеднике «Сибирская ссылка В. И. Ленина» некоторые усадьбы и жилища были законсервированы на месте (с. Шушенское). Другие — при консультации и непосредственном участии сотрудников Государственного Музея этнографии народов СССР — были перенесены из близлежащих сел (усадьба бедняка, усадьба кулака, волостное правление) [8]. Это позволило воссоздать бытовую обстановку старого Шушенского и самого дома, в котором жил во время ссылки В. И. Ленин. Следует подчеркнуть, что на фоне местной бытовой обстановки с ее этническими и социальными особенностями мемориал — жилище В. И. Ленина в ссылке — особенно впечатляет.

[7] Случайный подбор построек характерен также для заповедников, возникших в Коломне и в Костроме (Ипатьевский монастырь).

[8] *И. И. Баранова, Н. М. Хазова.* Опыт создания историко-бытового раздела мемориального музея-заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина».—«Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок». М., 1972, с. 35—43.

Таким образом, вкрапление в экспозицию музея на открытом воздухе мемориального материала, если это осуществляется обоснованно и продуманно, вполне допустимо. Приведем второй пример несколько иного характера. В экспозицию Закарпатского музея народной архитектуры и быта в Ужгороде включена хата Ю. Венелина — местного уроженца, выдающегося слависта. Дом Венелина в музее оказался в естественном окружении современных ему построек, бытовых экспозиций и т. п.

Возвращаясь к музею «Сибирская ссылка В. И. Ленина», хочется подчеркнуть, что как экспонируемые, так и находящиеся в фондах материалы, в дальнейшем, несомненно, послужат источниками, которые позволят специалистам вести углубленную научно-исследовательскую работу по изучению этнической истории и других сторон культуры и быта русского населения Сибири [9].

Как уже говорилось, особенно плодотворен метод подбора коллекционного материала блоками, который успешно применяется в ряде новых архитектурно-этнографических заповедников. Большая часть их ставит задачу дать характеристику областей, обширных и разнообразных по природно-хозяйственным условиям, под влиянием которых культура и быт народа или, тем более, нескольких народов приобретает специфические особенности (например, культура и быт украинского населения Полесья и Прикарпатья в киевском Музее народной архитектуры и быта Украинской ССР, Русского Севера — в «Малых Корелах», населения различных природных и этнографических зон — в эстонском Музее «Рок-аль Марэ» и Музее народного быта Литовской ССР в поселке Румшишкес [10]). Варьирующие и стабильные отличия различных комплексов культуры рельефнее всего выявляются именно при показе (в специализированных региональных секторах) блоков, имеющих сходные культурные или хозяйственные функции (передний угол, печной блок, помещения для содержания скота и т. д.). Построенная по единому плану экспозиция делает возможным не только четкий показ локальной культурно-хозяйственной традиции или отдельной культурно-хозяйственной зоны, но и создает необходимые условия для сравнительно-типологического изучения выставленных и хранящихся в фондах материалов. В настоящее время, когда в ряде республик и в некоторых областях РСФСР проектируется создание новых музеев-заповедников, представляется чрезвычайно полезным изучение, обобщение и использование накопленного опыта формирования фондов этнографических музеев.

Учитывая все ускоряющиеся темпы урбанизации и нивелировки форм материальной культуры, сбор памятников необходимо вести в форсированном темпе, причем существенную помощь в этом могли бы оказать центральные и местные научные этнографические, исторические, фольклорные и археологические учреждения, направляющие научно-исследовательские экспедиции в самые различные районы (в том числе и по сбору материалов для этнографических и диалектологических атласов). Участники экспедиций одновременно могли бы приобретать коллекции по поручениям музеев. Существенную помощь там, где это организовано надлежащим образом (как показала практика прибалтийских музеев), могут оказывать также местные корреспонденты и краеведы-любители [11].

---

[9] *П. Л. Букшпан.* Мемориальный музей-заповедник историко-революционного профиля.— «Музей и современность. Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества». М., 1975, с. 87—133.

[10] *К. К. Чербуленас.* Организация Музея народного быта Литовской ССР.— «Сов. этнография», 1976, № 3.

[11] Сб. «Работа этнографического музея с корреспондентами и школами». Таллин, 1973, 64 с.

Уже созданные и вновь создающиеся музеи традиционного крестьянского быта охотно включаются туристскими организациями в маршруты, которые предлагаются как советским, так и зарубежным туристам. Нередко рядом или на территории музеев возникают стилизованные гостиницы, кафе, сценические площадки, киоски для продажи не только музейной литературы, буклетов, открыток, но и сувениров. Все это вполне естественно. Однако надо всемерно остерегаться попыток некоторых архитекторов, дизайнеров и конструкторов сувениров превратить музей в туристический аттракцион, в залихватскую квази-модерную стилизацию, спекулятивно использующую историко-архитектурные и историко-этнографические мотивы. Надо помнить, что речь идет о национальном достоянии, которое не должно вовлекаться в сомнительные эксперименты конъюнктурного характера. Поэтому современный размах музейного строительства и современные масштабы туризма диктуют необходимость усиления надзора со стороны управлений культуры, обществ по охране памятников, и, разумеется, всей научной общественности — историков, искусствоведов, этнографов, архитекторов и т. д.

Значительно хуже обстоит дело с комплектованием этнографических коллекций, отражающих культуру и быт городского населения. В дореволюционное время сбор материалов по городскому быту не производился. В послеоктябрьский период появляется ряд музеев, интересующихся в числе других вопросов историей быта горожан. Из таких учреждений можно назвать Музей Революции СССР, собиравший коллекционные предметы, связанные с революционным бытом (костюмы и другие вещи, характеризующие, например, облик и быт красногвардейцев), Музей истории и реконструкции г. Москвы, Музей истории Ленинграда, Государственный Эрмитаж, дворцы-музеи, литературные музеи, Государственный исторический музей в Москве и некоторые местные музеи — например, во Владимире и Суздале, где сосредоточивались коллекции, освещающие дореволюционный дворянский и купеческий быт [12], а также быт разночинной интеллигенции.

Что касается материалов по рабочему быту, то еще в 20-е гг. они в наших музеях отсутствовали. Первые попытки сбора таких материалов относятся к концу 1920 — началу 1930 гг. и связаны с деятельностью Государственного исторического музея (Москва) и историко-бытового отдела Государственного русского музея (Ленинград) [13]. Собранные этими музеями коллекции, характеризующие семейный и производственный быт рабочих Петрограда—Ленинграда, Карелии и Урала, ныне являются уникальными. Уже тогда подбор их представлял большие трудности — предметы дореволюционного рабочего быта, связанные с низким уровнем жизни пролетариата, исчезали с необычайной быстротой. Естественно, что даже отдельными вещами, которые еще могут встретиться в наши дни, следует дорожить и со сбором их особенно торопиться. В этом отношении заслуживает всяческого одобрения инициатива краеведческих музеев в Иванове, Горьком, Нижнем Тагиле и др.

Развитие этнографии привело в последние десятилетия к формированию новой отрасли — этнографии города. Исследования показали, что старая этнография как у нас, так и за рубежом недооценивала роль городов в процессе формирования этнических традиций, в этнических и этнокультурных процессах. Выяснилось, что в городах складывались и развивались свои бытовые традиции, в ходе истории оказывавшие все возраставшее влияние на крестьянство, которое еще сравнительно не-

[12] *А. Б. Закс.* Историко-бытовой отдел Русского музея (1918—1941). М., 1962, с. 265 и др.

[13] *Б. Д. Приселков.* Историко-бытовые музеи. Л., 1926; *М. З. Крутиков.* Об изучении и экспозиции предреволюционного быта рабочих.—«Записки Историко-бытового отдела Государственного русского Музея», т. II. Л., 1932, с. 106; «Отчетная выставка работ уральской историко-бытовой экспедиции Государственного исторического музея». М., 1927 и др.

давно считалось чуть ли не единственным создателем и носителем национальных бытовых традиций [14].

Между тем в существующих ныне музеях (например, даже таких, как Музей истории и реконструкции г. Москвы, Музей истории Ленинграда) все еще недостаточное внимание уделяется традиционной культуре и быту городов. Частичное отражение городской быт, правда, находит в дворцах-музеях, в местных исторических и краеведческих музеях и в Государственном Музее этнографии народов СССР, однако сосредоточенные там материалы, естественно, характеризуют далеко не все слои городского населения. В связи с тем, что быт города изменяется с еще большей быстротой, чем быт деревни, представляется необходимым срочное создание специальных музеев городского быта типа городских скансенов [15], т. е. музеев на открытом воздухе. Как показывают публикации последних лет, посвященные проблемам города, кое-где еще сохранились постройки XVIII—XIX вв. и даже отдельные кварталы с жилыми и общественными зданиями, которые можно было бы законсервировать и использовать для развертывания экспозиции, посвященной производственному и домашнему быту рабочих, ремесленников, мелких торговцев, служилой интеллигенции и других слоев городского населения.

Наиболее перспективными в этом отношении были бы, как нам представляется, небольшие города Средней России (например, Шуя, Калуга), Урала (Касли, Нижний Тагил), города среднеазиатских республик (Бухара, Ленинабад), Кавказа (Дербент, Баку), а также Прибалтики, где уже кое-что сделано в этом плане (например, объявлены «заповедными» кварталы в Таллине, Цесисе) и др. Так же, как при создании сельских «скансенов», следует подумать не только об охране отдельных уникальных памятников архитектуры (что тоже во многих городах уже делается и, разумеется, необходимо), но и о формировании архитектурно-этнографических комплексов, которые сохранили бы для нас и последующих поколений типичные уголки старого городского быта.

Выявлению и сохранению памятников городского быта могли бы способствовать и различные министерства и ведомства. Так, например, Министерство связи СССР, создавшее в Ленинграде хороший музей (где среди других предметов есть коллекции почтовых знаков, почтовых ящиков и иных, связанных с бытом, предметов), могло бы способствовать воссозданию почтовой станции XIX века [16]; Министерство здравоохранения СССР — использованию (даже в действующем виде) аптеки, интерьер которой с типичными для начала XX в. шкафами красного дерева и массивными фарфоровыми банками для медикаментов еще недавно широко бытовал, а кое-где (например, в Ленинграде) встречается и в наши дни [17]; Министерство путей сообщения СССР (имеющее интереснейший Музей железнодорожного транспорта в Ленинграде) могло бы содействовать сохранению некоторых железнодорожных зданий и оборудования XIX — начала XX в. (для создания в дальнейшем железнодорожного музея-скансена»). В ряде городов сохрани-

[14] См. *М. Г. Рабинович.* Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и семейный быт. М., 1978; *его же.* Город и традиционная культура.— «Сов. этнография», 1980, № 4.

[15] В качестве опыта создания подобного музея следует назвать Музей городского ремесла на Луостаринмяки в г. Турку (Финляндия), возникшего в районе, уцелевшем от пожара 1827 г., охватившего почти весь город.

[16] Сходная цель в сочетании с историко-литературной была поставлена при реставрации «Дома Семена Вырина» и создании музея «Домик станционного смотрителя» в д. Выра Ленинградской области, связанных с известным рассказом А. С. Пушкина. Внешний облик почтовой станции воссоздан в г. Пярну Эстонской ССР. Помещение использовано для стилизованного ресторана.

[17] Аптеки-музеи такого типа, но более раннего происхождения, сохраняются во Львове, Таллине и некоторых других городах.

лись еще построенные в XVIII—XIX вв. здания заводоуправления и заводские корпуса (например, в Нижнем Тагиле, Иванове) и другие строения, не представляющие значительной ценности как памятники архитектуры, однако незаменимые для характеристики рабочего и городского быта прошедшей эпохи.

Несомненно, настало время выявить подобные здания, взять их на учет (и тем самым предотвратить снос), для того чтобы в дальнейшем использовать их в качестве построек-экспонатов, а также для размещения в них бытовых и тематических экспозиций. Существенную помощь в этом деле могут оказать этнографы из местных и центральных научных учреждений, накопившие значительный полевой материал, главным образом по городам РСФСР и среднеазиатских республик, и опубликовавшие ряд интереснейших исследований, посвященных проблемам исторической этнографии города [18].

В настоящее время, когда рамки этнографии раздвинулись и вширь, и вглубь не только по сравнению с дореволюционным, но даже и с довоенным пониманием ее, соответственно изменились и задачи этнографических музеев. Чтобы идти в ногу с этнографической наукой и потребностями времени как специализированные, так и не специализированные музеи, экспонирующие этнографические материалы, должны не только раздвинуть хронологические рамки показа, доведя его до современности, но и осуществить этот показ дифференцированно, с выделением городской культуры, играющей ведущую роль в современных этнических и культурных процессах. Пока же приходится констатировать, что этнографическое музейное дело в этой области значительно отстает от этнографической науки в целом. Сбор современных материалов такого рода необходим и должен осуществляться особенно обдуманно.

Длительное время среди музейных работников велись весьма эмоциональные споры о принципах и методике отбора коллекционных материалов по этнографии современности. В настоящее время эти споры можно считать в целом завершенными: коллекционированию, по общему мнению, подлежат все предметы бытовой культуры, в той или иной мере отражающие этнические традиции народа, быт которого изучается и освещается в экспозициях. Такой подход распространяется и на отдельные предметы индустриального производства, если они воспринимаются как связанные с этническими традициями или входят органическим элементом в какой-либо современный комплекс (например, в одежду, интерьер жилища, пищу, обряд и т. п.). Это не значит, вместе с тем, что методические трудности преодолены. В условиях все убыстряющихся темпов урбанизации в рамках развитого социалистического общества иной раз совсем не легко отличить стойкие, уже вошедшие в традицию формы, от новых, не имеющих перспективы стать ее органическим элементом. Этнографические музеи и музеи, имеющие этнографические экспозиции, должны еще научиться подбирать материалы, свидетельствующие о формировании не только национальных и региональных, но и общесоветских традиций, о направлении современных этнических процессов, в том числе процессов, имеющих межэтнический характер (взаимовлияния и сближения на фоне общего развития национальных культур).

Еще более бурные споры велись и по сей день ведутся о методах экспонирования материалов по современности. Немало было проб и

[18] *В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.), М., 1971; *В. Ю. Крупянская, О. Р. Будина, Н. С. Полищук, Н. В. Юхнева.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М. 1974; *Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем (на примере городов Калуга, Елец, Ефремов), М., 1977; *О. А. Сухарева.* К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958.

ошибок, однако в настоящее время можно уже говорить о значительном положительном опыте экспонирования, накопленном советскими этнографическими музеями. Большая заслуга в этом принадлежит крупнейшему из них — Государственному Музею этнографии народов СССР *. Здесь наряду с экспозициями монографического типа (показывающих культуру и быт отдельного народа, начиная с дореволюционной эпохи и кончая нашими днями), был разработан ряд обобщающих экспозиций. В некоторых из них характеризовалась группа народов, и современные изменения культуры в этом случае освещались суммарно для всего региона, другие были посвящены современному быту всех народов СССР — таковы, например, выставки «Союз нерушимый республик советских», «Современное народное искусство», «Традиционное и новое в современном жилище и одежде». Последняя экспозиция, использующая оригинальную методику показа современности, представляет, с нашей точки зрения, особый интерес [19]. Она не только демонстрировала разнообразный фактический материал, но и выявила с его помощью ведущие тенденции развития материальной культуры народов СССР, сближение сельских и городских форм ее, перерастание национальных особенностей в зональные, сближение культур всех социалистических наций. Одновременно выставка пропагандировала положительный опыт использования традиций, который был накоплен в процессе формирования и развития культуры народов СССР, показывала широкие возможности использования его при конструировании современной одежды и современного дизайна.

Экспозиция эта создавалась в 1968—1969 гг., еще до выхода обобщающих трудов, характеризующих современные этнические процессы в СССР [20], и в известной мере, стимулировала их создание. Методическое значение этой экспозиции было очень велико. Она открыла новые возможности, которые могут быть использованы как республиканскими, так и краеведческими музеями. Экспозиции обобщающего типа в Государственном Музее этнографии народов СССР не ограничиваются материальной культурой; в настоящее время коллектив его работает над созданием выставки, характеризующей современные обряды и праздники народов СССР [21].

Трудно и даже невозможно давать готовые рецепты для музеев различного назначения и профиля. Да и не в этом состоит наша задача. Однако, нам представляется, что в наибольшей мере отвечающими современным требованиям науки и эмоционально воздействующими на посетителя являются целостные системы экспозиций, сочетающие монографический историко-этнографический показ культуры отдельных народов или группы народов с обобщенными тематическими экспозициями по современности, отражающими основные культурные и этнические процессы, протекающие в наши дни.

Современная этнография, так же как и некоторые другие гуманитарные науки (социология, философия, экономика), не только изучает отдельные стороны традиционной или современной материальной и духовной культуры, но и стремится обобщить их в динамическом представлении об «образе жизни» — устойчивой системе форм повседневной жизнедеятельности этноса или какого-то его социального слоя или социально-профессиональной группы. Отсюда следует, что представление

---

* Журнал предполагает в одном из ближайших номеров опубликовать специальную статью о методическом опыте Государственного музея этнографии народов СССР.— *Ред.*

[19] *Т. В. Станюкович, К. В. Чистов.* Экспозиция «Новое и традиционное в современном жилище и одежде».—«Сов. этнография», 1970, № 1.

[20] «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975 (2-ое изд.— 1977).

[21] См. подробнее: *В. М. Грусман, Э. С. Яглинская.* Современные праздники и обряды народов СССР (К созданию экспозиции в ГМЭ).— «Сов. этнография», 1977, № 3.

об образе жизни связано с современной культурой и культурной традицией в их функционировании на бытовом уровне.

Естественно, что экспонировать традиционными музейными средствами понимаемый так образ жизни невозможно. Вместе с тем для того, чтобы посетители получили представление об образе жизни той или иной социальной общности, недостаточно просто демонстрировать вещи, с ним связанные или им порожденные. Вещевой материал должен дополняться другими экспозиционными, и, условно говоря, неэкспозиционными средствами (т. е. помимо уже давно включаемых в экспозиции объяснительных текстов, фотографий, обстановочных сцен, пейзажных панорам, диапозитивов, он должен дополняться демонстрацией кинофильмов, записей народных песен и инструментальной музыки, воспроизведением производственных процессов). Все эти виды демонстрации могут быть объединены и оживлены пояснениями опытного экскурсовода, умеющего варьировать текст своего рассказа в зависимости от состава посетителей.

Многие музеи уже на протяжении ряда лет стремятся к подобной системе комплексной информации о традиционной и современной культуре народа, к использованию современных технических средств, позволяющих демонстрировать функционирование вещей, традиционные производственные навыки, обряды, показывать народные танцы, спортивные игры, праздники. Так, например, благодаря хорошему контакту с Домом народного творчества на территории зеленой зоны музея «Малые Корелы» систематически проводятся фестивали народного самодеятельного искусства, организуются демонстрации традиционных народных игр, танцев, музыки, исполняемой на народных инструментах. Эту практику, как нам представляется, необходимо распространить повсеместно, не отказываясь, однако, от введенного еще ранее и явно оправдавшего себя опыта показа не только предметов материальной культуры, но и процессов их производства. Опыт Музея народного искусства в Москве, а также различных всесоюзных выставок, свидетельствует о том, что особенно большой интерес вызывает демонстрация самих процессов создания предметов народного творчества — гончарства, резьбы по дереву, вышивки и т. п. Всемерной поддержки заслуживает так же, как мы уже говорили, демонстрация (в качестве дополнения к экспозиции) научно-документальных фильмов, отснятых под наблюдением этнографов и фольклористов.

Возвращаясь к коллекционированию, необходимо отметить, что накопление коллекций все с бóльшей остротой возбуждает проблему надежного хранения, учета и систематизации коллекционных материалов. Многие хранилища (даже центральных музеев) созданы давно и более не могут удовлетворять; они малы и располагают только старым оборудованием, не обеспечивают должного теплового режима и режима влажности. Это приводит к преждевременной порче ценнейших экспонатов. Вместе с тем можно назвать и такие музеи, где коллекции хранятся с максимальной заботой, где имеются магазинированные фонды, отвечающие современным музейно-хранительским нормам. Это, например, Государственный этнографический музей Эстонской ССР (Тарту) или музей при Институте истории и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск). Однако, к сожалению, у этих музеев нет необходимых площадей для развертывания надлежащей экспозиции.

Не менее сложной проблемой является научное описание коллекций, их паспортизация и каталогизация, без которых фонды превращаются в склады. В большинстве музеев имеются картотеки, построенные по этническому и территориальному принципам, однако, в них, как правило, не вносятся достаточно подробные паспортные данные, типологическое определение предмета и его изображение. Давно уже задуман-

ное Министерством культуры СССР внедрение унифицированных учетных карточек, содержащих необходимые сведения о каждом предмете, которые очень облегчили бы и музейную, и научно-исследовательскую деятельность, до сих пор не осуществлено.

Создание документации, отвечающей современному уровню науки, требует основательной подготовки. Если в этнографических музеях, в особенности старых, обладающих многотысячным коллекционным фондом, эта работа оказывается чрезвычайно трудоемкой (из-за недостаточного числа музейных работников), то в «молодых» музеях, пока фонды их еще не так велики, она вполне осуществима. Между тем в некоторых «молодых» музеях, в частности в краеведческих, а также, в музеях при научно-исследовательских, учебных, просветительных учреждениях (например, при школах, вузах, клубах, Дворцах пионеров, добровольных научных обществах и др.) уже накоплены материалы, представляющие значительный интерес для этнографии. Во многих из них работают энтузиасты, не имеющие, к сожалению, специального образования и навыков музейной работы. Есть опасность, что собранные ими интереснейшие, а иногда и уникальные материалы (во-время и должным образом не паспортизированные), могут потерять свою научную значимость, превратиться в сувениры, собираемые дилетантами.

Учитывая огромный интерес к этнографическим материалам в наши дни необходимо добиться, чтобы не только сбор, но и паспортизация приобретенных коллекций велись на должном научном уровне. Условия для этого теперь существуют: Институтом музееведения (ныне Институт культуры) и другими учреждениями выпущен ряд прекрасно составленных определителей, а также инструкций и других пособий, позволяющих в необходимом случае квалифицированно составить паспорт вновь поступившего предмета [22] даже не специалисту.

Следует, возможно, восстановить практику выдачи «открытых листов» на сбор и приобретение этнографических коллекций, которая была введена еще в конце прошлого и в начале нынешнего века центральными этнографическими музеями. Подобная практика, существующая и по сей день в археологии, помогла бы не только учитывать и фиксировать новые поступления, но и контролировать качество их паспортизации.

При обширности нашей страны и множестве музеев, имеющих этнографические фонды и экспозиции, чрезвычайную важность приобретает проблема правильно поставленной музееведческой информации. Этот вопрос может быть предметом специального рассмотрения и обсуждения. Назовем здесь только некоторые формы информации, которые необходимо развивать и совершенствовать. Это, прежде всего, публикация научных каталогов музейных фондов и рукописных архивов существующих музеев.

В последние годы кое-что в этом плане уже делается. Государственным Музеем этнографии народов СССР выпущен каталог коллекций Отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья, составленный по коллекционному принципу [23], Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР — каталог коллекций по этнографии на-

---

[22] См. например, утвержденные в 1975 г. Министерством культуры СССР «Типовые схемы научного описания этнографических предметов для подготовки к изданию сводных музейных каталогов», а также сб. «Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель». М., 1959; «Крестьянская одежда населения Европейской России. Определитель». М., 1972; «Памятники народной архитектуры и быта Белоруссии. Методическое пособие по выявлению и собиранию». Минск, 1979, и др.

[23] *С. А. Авижанская, М. А. Браун, Т. А. Крюкова.* Каталог-указатель (краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного Музея этнографии народов СССР).—«Музей и современность». М., 1975, с. 186—282.

родов Кавказа [24], составленный по предметному принципу, существует и несколько сходных республиканских изданий по отдельным народам и по отдельным выставкам, осуществленным в музеях [25]. Однако, все это — капля в море. Каталогов издается мало и охватывают они пока крайне незначительную часть этнографических собраний, хранящихся в советских музеях. Строятся каталоги по разным принципам и публикуются чаще всего не отдельными изданиями, а в составе смешанных по своему составу сборников, что затрудняет их библиографическое разыскание.

Единственная обобщающая информация о составе и численности этнографических собраний, хранящихся в музеях СССР, содержится в упоминавшемся справочнике, изданном к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук [26]. В нем, как и в названных выше каталогах, зафиксировано состояние дела к году его составления. Справочник сыграл свою роль, но учитывая непрерывно продолжающийся сбор материалов и все расширяющуюся сеть музеев, необходимо было бы организовать надежные формы текущей информации, например, издание информационных бюллетеней типа польских сборников «Muzeum budownistwa w Sanoku» или выходящих с 1925 г. тартуских «Ежегодников этнографического музея», но не местного, а всесоюзного масштаба и назначения. В этих бюллетенях должны были бы систематически публиковаться данные о новых поступлениях в фонды, о новых экспозициях, каталогах, путеводителях, справочниках и т. д. Следовало бы подумать также о повторных изданиях типа справочника «Этнографические коллекции в музеях СССР», вышедшего 17 лет назад и во многом уже устаревшего.

Из сказанного очевидно, что рассмотрение задач современного этнографического музееведения не может ограничиться исключительно рамками специализированных этнографических музеев. Огромный интерес к памятникам этнографии у работников различных областей науки и культуры, комплексный метод исследования, присущий в наши дни многим историческим дисциплинам,— все это говорит о том, что задачи этнографического музееведения должны обсуждаться всем коллективом научных и музейных работников и деятелей культуры.

В заключение хочется добавить, что для успешного развития этнографических музеев в рассмотренных или в других, не затронутых в статье, аспектах (мы не упоминали, например, о проблемах использования этнографических объектов в туристских маршрутах, о централизации контроля над сувенирами этнографического характера, о роли музеев в современном конструировании безрелигиозных обрядов и т. п.), необходима четкая координация работы всех «заинтересованных» учреждений. У нас пока еще нет специального органа, занимающегося такой координацией (как, например, в Болгарии, Польше, ГДР), но о нем уже, вероятно, следовало бы подумать и министерствам культуры, и академиям наук, и руководству художественной промышленности. Координация способствовала бы совершенствованию всей музейно-этнографической работы, а также художественной промышленности, архитектурно-реставрационных и туристских организаций, одним словом — новому подъему научно-исследовательской и культурно-просветительной деятельности музеев, который соответствовал бы потребностям развитого социалистического общества.

---

[24] *Т. Д. Равдоникас, Л. М. Смирнова.* Каталог коллекций по народам Кавказа.— «Сборник МАЭ», т. XXXIV. Л., 1978, с. 182—221.

[25] *Т. А. Крюкова.* Указатель этнографических коллекций народов Поволжья. Государственный музей Татарской АССР. Казань, 1958; «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижи“»; «Народное искусство Карелии. Каталог выставки музея „Кижи“».

[26] «Этнографические коллекции в музеях СССР».

ETHNOGRAPHY AND TOPICAL PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF ETHNOGRAPHICAL MUSEUMS

The authors note the intensive development in the USSR of ethnographical museums and of non-specialised museums possessing ethnographical materials and expositions. They examine present-day problems of collecting, storing and cataloguing ethnographical objects. Particular attention is centred upon the way in which museums in their activities respond to new or recently emerging new problems of present-day ethnography (ethnic traditions in urbanised societies, urban ethnography, contemporary ethnic processes, the way of life as a systems concept etc.), as well as upon the particular ethnographic problems faced by complex museums (architectural-ethnographical parks and reserves, expositions showing ways of life in historical perspective, museums of revolutionary history and memorial museums, etc.).